

Radosław Karasiewicz-Szczypiorski

Roman military sentry posts in Crimea : new discoveries?

Światowit : rocznik poświęcony archeologii przedzajowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej 7 (48)/A, 93-99

2006/2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

RADOSŁAW KARASIEWICZ-SZCZYPORSKI (*IA UW*)

ROMAN MILITARY SENTRY POSTS IN CRIMEA. NEW DISCOVERIES?
(PL. 124-129)

Since 1997 the researchers from the Institute of Archaeology, Warsaw University, together with the Archaeological Expedition of the Tauric Chersonesos National Preserve in Sevastopol have been finding traces of Roman military presence in Crimea. Numerous archaeological sites have been excavated so far and surface survey has also been carried out, using various techniques, such as geophysical prospecting or aerial photography.

The excavations have helped to discover several structures connected with the presence of Roman troops on the outskirts of the rural area (*chora*) of Tauric Chersonesos (Fig. 3). The temple to Jupiter Dolichenus has been explored (SARNOWSKI, SAVELJA 2000). The remains of two watchtowers have been unearthed on Sapun-gora (Fig. 5, 6). These two archaeological sites are referred to as Kazackaja Hill (SARNOWSKI, SAVELJA, KARASIEWICZ-SZCZYPORSKI 2002) and Kavkaz Bair (SARNOWSKI, SAVELJA, KARASIEWICZ-SZCZYPORSKI 2007).

Karagač – a search for another watchtower

With contribution of T. Sarnowski (Institute of Archaeology, Warsaw University) and O. Ja. Savelja (National Preserve of Tauric Chersonesos, Sevastopol)

Sapun-gora is a distinct natural border. This mountain range separates the Heraklean Peninsula inhabited by the Greeks from Chersonesos from the local valleys (Balaclava Valley and Inkerman Valley). In ancient times the Sapun-gora range was not brought under cultivation. As the place dominated the area, it enabled the observation of the whole border zone between the Greeks and the barbarians. The location of several watchtowers along the mountain range did not ensure effective defence but it did ensure advance warning about an approaching enemy. It was vital that the eye contact could be preserved between the neighbouring installations. The discovery of two almost identical sentry posts with watchtowers helped to establish the following:

- They were not parts of linear defence fortifications (*limes*) but isolated fortifications adapted for circular defence.
- They were set up according to the same plan. The dimensions of the whole post, as well as the centrally located tower, are the same in both cases and the dry moats surrounding both posts have a V-shaped section.

- The distance between these two known posts is two Roman miles.

From the above-mentioned data it could be inferred that the sentry posts on Kazackaja Hill and Kavkaz Bair were the neighbouring parts of the same “early warning system” established by the Romans in the Chersonesos borderland (Fig. 3).

The question was who was the alarm signal meant for? It seems obvious that it served the people who lived near Chersonesos, as well as the civilian inhabitants and the garrison in town. However, sending a warning to the nearest fort located on the outskirts of the present day Balaklava could have been equally important. The existence of a fort in Balaklava-Kadykovka requires further confirmation but the following discoveries which have been made so far weigh in favour of this location:

- The foundation of a temple to Jupiter Dolichenus in this place by the soldiers (confirmed by the discovered inscriptions).
- A soldier's gravestone found nearby. Most probably the soldier was buried close to his place of stationing (SAVELJA, SARNOWSKI 2000: 191-196).
- The results of the excavations at the market in Balaklava-Kadykovka, where archaeological relics interpreted to be part of a barrack-block were unearthed. The identified building phase is dated by a dinar treasure (FILIPPENKO, ALEKSEENKO 2000: 167-176).

Had there been a fort in Kadykovka, the place was perfectly chosen to block access to Balaklava and its harbour. However, a fortification located there would have given restricted possibility to watch the approaches. Due to the lie of the land in the Balaklava Valley only the highest hills in the neighbouring border zone of the rural Chersonesos can be seen from Kadykovka. Therefore, a warning about an approaching enemy could have been sent to the fort from two places only: the southern end of Sapun-gora, called Karagač, or located even further south solitary Gornaja Hill. It must be stressed that because of the landform features neither the post on Kazackaja Hill nor the one on Kavkaz Bair may have sent an alarm signal to the fort in Balaklava.

Karagač was chosen as a possible location of the third watchtower. The distance between Karagač and Kavkaz Bair, the previous post of the “early warning system”, is also two Roman miles! According to Francois Dubois

de Montpréoux, a Swiss who travelled round Crimea in the 19th century, there were tower ruins surrounded by a wall in this area (DUBOIS DE MONTPÉREUX 1843: 189-190; **Fig. 7**). In order to make sending an alarm signal to Balaklava possible practically only one more watchtower should have been built, and it should have been located on Karagač. A post there would have provided the necessary eye contact with Balaklava. Nevertheless, we measured also the distance between Karagač and Gornaja, which again appeared to be... two Roman miles!

All data considered, a decision was made to start excavations on Karagač. The choice of Karagač also resulted from the fact that Gornaja had been heavily destroyed during World War II and the clearing work after the war. At present the excavations cannot be conducted as there is a monument surrounded by trees on top of the hill.

A surface survey and a contour map of the hill helped to choose the most probable location of the third watchtower. The area was afforested after the war but, like on Kavkaz Bair, the small elevation remained treeless, with large limestone blocks scattered on the surface.

As the area of the archaeological survey coincided with the line of fortifications defended twice during World War II it was impossible to search for architectonic relics with non-invasive methods. The abundance of metal fragments in the soil and numerous modern holes including war trenches and shell craters made geophysical survey impossible.

Owing to the dimensions of the tower (6 x 6 m.) the researchers decided to penetrate the site with a series of test pits which were one metre wide and dug in a 5 x 5 m. grid. The survey was carried out in 2008. It resulted in uncovering a poorly preserved stone structure made of irregular limestone blocks (**Fig. 8**). A few ceramics fragments found on the spot date the discovery back to the 8th - 9th cent. AD. Neither the building material nor the movable artefacts link the find to the Roman period. Apart from the shovel test pit, no other exploration techniques could be used on the site. The place is covered with pine forest and there are modern buildings in the vicinity. It is impossible to establish how far the structure mentioned by the Swiss traveller could be from the explored place. As the attempt to find the watchtower was unsuccessful, Francois Dubois de Montpréoux's account remains the most important argument in support of the above-mentioned theory.

Čatyrdag – an unknown Roman sentry post on the southern Crimean coast?

*With contribution of V. Myc and A. Lysenko
(Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine)*

The ruins of a fort on the Ay-Todor cape (ancient Charax) was the first Roman military installation in Crimea

(**Fig. 1, 2**) to be discovered and excavated (ROSTOVCEV 1900; ROSTOWZEW 1902). A double enclosure wall made of irregular and mostly huge stone blocks was uncovered on the site. It was built on an irregular plan and the stones were laid without mortar (NOVIČENKOV, NOVIČENKOVA 2002). The stone blocks on the face were hewn in order to obtain more or less even surface. Near the fort, just outside the walls, a barbarian burial ground was found which revealed burying tradition untypical of Crimea: common cremation, depositing ashes in amphorae and equipping graves with iron tools and pieces of weapon (BLAVATSKIJ 1951; ORLOV 1987). Similar burial sites are unique in Crimea. The most similar typologically, excavated and described in print is Čatyrdag burial ground (MYC et al. 2006).

It seems vital to establish whether the proximity of the burial site to the fort on the Ay-Todor cape is purely coincidental. According to some publications, people of the barbarian garrison which was brought in the 3rd cent. AD after the Roman troops had been evacuated were buried there (ZUBAR' 1998: 148-150). If this was the case, then the presence of a necropolis similar to the one on the Ay-Todor cape in a place where no traces of a Roman military fort are known, should encourage a search for such fortifications. Therefore, a research was initiated near the only burial ground whose resemblance to the necropolis on the Ay-Todor cape is unquestionable. The initial survey on Čatyrdag site took place in March and at the end of August and the beginning of September 2008. No extensive excavation work was done. The research comprised surface survey, laser tachometer measurements, aerial photography from a paraplane and a kite (spring 2008) and clearing the discovered relics of grass and leaves and photographing them (summer 2008).

The research helped to find several sections of stone embankments near the burial ground. These structures do not form a self-contained whole. They differ in height and width, as well as in the size of stone blocks visible on their surface. These differences led to distinguishing three types of stone embankments:

Type 1. The most massive stone embankments made of huge stone blocks, some of which bear the signs of hewing. They are characterised by huge stone blocks on the face and angular gravel in the core.

Type 2. Less visible embankments made almost entirely of medium sized blocks. They required much less building material than the embankments of the first type.

Type 3. Clearly visible embankments, yet less massive than those of the first type. They are built of big stone blocks, fine crushed stone and soil. The embankments of this kind run along the local asphalt road.

The described diversity of embankments is interpreted in the following way: type 3 embankments came into existence in the second half of the 20th century, when the ground was being levelled for the asphalt road, while type 2 embankments are probably present-day field

boundaries. Both their size and the used material indicate that it did not cost much effort to build them, which is not at all true of type 1 embankments. Regardless of their time of origin it must have taken a tremendous amount of effort to build them, including perfect work organisation and coordination of people.

The extraordinary distribution of the building material in the embankment, i.e. the facing of huge stone blocks and the core of rock aggregate, may suggest that this stone structure got destroyed. A total destruction of a stone embankment laid without mortar could have been due to a large earthquake force. Big earthquakes occur in this part of Crimea. During one of them a village was completely destroyed as the local Demerdži mountain fell apart leaving a vast rock debris field on its slope. Assuming a similar situation on Čatyrdag, the wall was built of huge stone blocks for the face and angular gravel mixed with soil for the core. Due to a large seismic shock the wall faces could have fallen outwards and inwards, the core of the wall got loose and marked the original alignment of the wall.

So far three stretches of the embankments have been classified as belonging to type 1 (**Fig. 10**). Because of their location they may have been fragments of the original enclosure wall. In all three cases they were found in places easy to defend, as the potential enemy would have to attack up the slope (**Fig. 4**). Most of the embankments of types 2 and 3 lack this important feature.

One difficulty in the study of the supposed defensive wall is the predominance of stones with no traces of processing. Only some of the blocks have one or two faces dressed. Probably the stones were hewn only when it was necessary to make the face of the wall even. However, single well dressed stones scattered round the preserved structure support the idea that the embankments are the remains of a defensive wall (**Fig. 9, 12**). These blocks are big and one of them was even prepared to be part of an obtuse angle construction (**Fig. 9**).

In the course of a new fieldwork season in summer 2008, the best preserved part of the defensive wall was distinguished (**Fig. 4, 11**). Turf, weed, and accumulated leaves from nearby trees were removed in the designated area. After the clearing the straight line of the wall face could be noticed (**Fig. 11**). In some places only one row of massive stones remained. However, in one stretch of the structure the second and third layer of stones was preserved. The embankment is very massive there. A more detailed analysis helped to determine a probable line of the other face of the wall and to estimate the original width of the curtain wall to be 3,5 m.

The dating of type 1 embankments is problematic. Since no excavations of these relics have been undertaken, it impossible to solve this problem. So far it has been established that:

- The building material and its use in places where the wall face is preserved resemble the building technique of the walls on the Ay-Todor cape.

- The presumed highest point of the fortification is located on Čatyrdag burial site of the Ay-Todor type (**Fig. 4**).

The stratigraphic relation considered, the unpreserved or unbuilt section of the wall must have been anterior to the burial ground which was in use in 3rd - 4th cent. AD. If this was the case then the wall may have been contemporary to defences on the Ay-Todor cape.

Neither the movable relics collected during the surface survey and the embankment clearing nor the reports on chance findings from the local people helped to establish the dating. An antoninianus of Philip the Arab (information after A. Lysenko) and fragments of Bosporan amphorae dating from the 2nd - 3rd cent. AD (Zeest 76 type, identified by V. Nessel) may come from the last phase of Roman military presence on the southern Crimean coast. This dating corresponds to the presumed time of the evacuation of Roman troops from *Charax*. However, the same artefacts could have been part of the equipment of early graves similar to those on the Ay-Todor cape and connected with the alleged presence of a barbarian garrison. One has to mention also a few pieces of hand mould ceramics discovered during the clearing of the conjectural wall. The fragments are small and untypical. They were described as "not from the Middle Ages" (V. MYC) or "late ancient" (O. JA. SAVELJA). However, one has to bear in mind that they were found on the ground surface near a stone rubble which may indicate that they had moved down the slope from some high-elevation part of the site.

The research done so far leads to the following conclusions:

- Type 1 embankments seem to be the remains of a defensive wall.
- The fortifications most probably were not completed.

The fact that only stretches of the presumed enclosure wall were found as well as the presence of scattered dressed stones at a certain distance from the preserved embankments argue for the second conclusion. The material may have been abandoned on its way to the building site. The hypothesis of an unfinished investment would account for the small number of movable artefacts accompanying the alleged fortifications. The fort, which had not been inhabited or had been used for only a short period of time, did not comprise any buildings or accumulated rubbish (e.g. ceramics).

The Roman sentry post on Kavkaz Bair could also have been left unfinished. During the fieldwork very little stone material from the enclosure wall was found. There were also no Roman roof tiles which should have remained after the tower roof had collapsed (unpublished information yet). The remains of a tiled roof were discovered on Kazackaja Hill (SARNOWSKI, SAVELJA, KARASIE-WICZ-SZCZYPIORSKI 2002; 2007). Obviously, the material could have been used at some later time in other buildings. Nevertheless, some traces of the individual materials, such as tile pieces, should have been found on the

spot. Their complete lack may indicate that either the post was not completed or it was built in haste of the materials available at that time, such as clay and timber. A parallel situation may concern Čatyrdag site, as the enclosure wall there was either left unfinished or the gaps in the fortification were filled with impermanent materials. Further construction of the walls without the use of stones may have been the work of the barbarians whose crematory burial site was found nearby.

It must be stressed that all data considered, it cannot be determined without doubt whether on Čatyrdag site, like on the Ay-Todor cape, the crematory burial ground was adjacent to an older Roman sentry post. The discovered and described remains of the conjectural enclosure wall provide a new argument in favour for the Roman military presence on the southern Crimean coast. Further excavations may bring a clinching argument to this still unsettled issue.

Bibliography

BLAVATSKIJ, V. L.

1951 *Charaks, Materialy i issledovaniya po archeologii SSSR* 19, Moskva, p. 250-291.

DUBOIS DE MONTPÉREUX, F.

1843 *Voyage autour du Caucase, chez Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Armenie et en Crimée* 6, Paris, p. 189-190.

FILIPPENKO, A. A., ALEKSEENKO, N. A.

2000 *Der römische Münzschatzfund von Balaklava* [in:] Sarnowski, Savelja 2000, p. 167-176.

MYC, V. L. et al.

2006 *Čatyr-dag – nekropol' rimskoi epochi v Krymu*, Sankt Peterburg, Nestor-Istorija.

NIKOLAENKO, G. M.

2001 *Chora Chersonesa Tavričeskogo* 2, Sevastopol, p. 147.

NOVIČENKOV, V. I., NOVIČENKOVA N. G.

2002 *O nižnej oboronitel'noj stene rimskoj kreposti Charaks, Materialy po archeologii, istorii i etnografii Tavrii* 9, p. 27-35.

ORLOV, K. K.

1987 *Aj-Todorskij nekropol'*, Materialy k etničeskoi istorii Kryma, Kiev, p. 106-125.

ROSTOVCEV, M. I.

1900 *Rimskie garnizony na Tavričeskom poluostrove i Aj-Todorskaja krepost'*, Žurnal Ministerstva Narodnogo Prosvěščenija 308, Mart, p. 140-158.

1902 *Roemische Besetzungen in der Krim und das Kastell Charax*, Klio 2, p. 80-95.

SARNOWSKI, T., SAVELJA, O. JA.

2000 *Balaklava Römische Militärstation und Heiligtum des Jupiter Dolichenus*, Warschau.

SARNOWSKI, T., SAVELJA, O. JA., KARASIEWICZ-SZCZYPIORSKI, R.

2002 Extra fines Imperii. *Rzymski posterunek wojskowy w okolicach Sewastopola na Krymie*, Światowit 45, fasc. A, p. 167-172.

2007 (2009) *Roman military sentry posts in the border zone of Crimean Chersonesos*, Archeologia 58, p. 57-67.

SAVELJA, O. JA., SARNOWSKI, T.

2000 *Der Grabstein des Julius Vales aus Balaklava* [in:] Sarnowski, Savelja 2000, p. 191-196.

ZUBAR', V. M.

1998 *Severnyj Pont i Rimskaja Imperija (seredina I v. do n.e. - pervaja polovina VI v.)*, Kiev.

РАДОСЛАВ КАРАСЕВИЧ-ЩИПЁРСКИ

**РИМСКИЕ ВОЕННЫЕ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ ПОСТЫ В КРЫМУ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ?
(РЕЗЮМЕ)**

Начиная с 1997 года совместной экспедицией Института Археологии Варшавского университета и Национального заповедника «Херсонес Таврический» проводятся работы, в результате которых было обнаружено несколько памятников археологии, связанных с присутствием римских войск в Крыму. Было исследовано святилище Юпитера Долихена в Балаклаве-Кадыковке. Выявлены остатки двух наблюдательных башен, расположенных вдоль хребта Сапун-горы, которые вошли в научную литературу под названиями: Казацкая и Кавказ.

**Карагач – поиск следующей
наблюдательной башни**
С участием Т. Сарновского и О.Я. Савели

Открытие двух почти идентичных постов, снабжённых наблюдательной башней позволило определить, что:

- Они не были элементами оборонительной системы (*limes*), а являлись изолированными военными пунктами, приспособленными к круговой обороне.
- Они сооружены по одному образцу. Размеры всей постройки и расположенной в её центре башни в обоих случаях те же самые, а сухой ров, окружающий каждый из постов, в разрезе имеет форму буквы V.
- Расстояние между известными нам постами равно 2 римским милям.

Если принять, что самый близкий форт находился в Кадыковке, то место было выбрано идеально для блокады доступа в Балаклаву и находящийся там порт. В то же время, расположенное таким образом укрепление, имело очень ограниченный обзор приграничной зоны. Рельеф местности в Балаклавской долине позволяет из Кадыковки видеть только самые высокие возвышенности, находящиеся вблизи границы сельской территории Херсонеса. С этой перспективы сигнал о приближении врага мог быть замеченным в форте только с двух вершин: с южного края Сапун-горы, называемого Карагач, или с расположенной далее на юг одинокой высоты Горная.

Третий наблюдательный пост мог быть расположен на вершине Карагач. В таком случае «в системе раннего предостережения» расстояние между данным пунктом и предыдущим, расположенным в урочище Кавказ, составляет также 2 римские мили! О существовании на данном участке руин башни с окружающей её стеной сообщает швейцарец Франсуа Дюбуа де Монпере, путешествующий в XIX веке по Крыму.

С целью проверки нашего предположения в августе 2008 года на высоте Карагач были осуществлены предварительные раскопки. В результате обнаружены

только плохо сохранившиеся следы каменной застройки из нерегулярных глыб известняка. Немногочисленные фрагменты керамики датируют выявленные остатки VIII-IX вв. К сожалению, не представляется возможным установить как далеко от места наших исследований возвышалась постройка, упомянутая швейцарским путешественником. В связи с неудачей археологических изысканий донесение Франсуа Дюбуа де Монпере остаётся самым важным аргументом в пользу представленной выше теории.

**Чатыр-Даг – неизвестный римский форт
на Южном берегу Крыма**
С участием В.Л. Мыца и А. Лысенко

Первым открытым римским укреплением в Крыму, на котором проводились раскопки, является форт на мысе Ай-Тодор, который отождествляют с античным пунктом под названием *Charax*. По соседству с фортом, среди всего прочего, обнаружен варварский могильник, расположенный сразу за стенами. Среди характерных черт могильника следует упомянуть: всеобщую кремацию, помещение праха в амфоры, а также наличие железных инструментов, элементов вооружения и снаряжения. Подобные могильники в Крыму являются абсолютно исключительными. Самым близким по типу, исследованным и доступным в публикациях, является могильник Чатыр-Даг.

Кажется существенным в данном случае вопрос – соседство могильника и форта на мысе Ай-Тодор является случайным? В литературе появляются мнения, что около укреплений хоронили особы, принадлежащие варварскому гарнизону, размещённому в III веке после эвакуации римских отрядов. Если это так, то существование могильника типа «Ай-Тодор» в месте, где отсутствуют следы римского форта, должно склонить к поискам такого укрепления. Именно для этого в 2007 году была проявлена инициатива проведения исследований в окрестностях одного из могильников, схожесть которого с некрополем на мысе Ай-Тодор не вызывает сомнений.

Три участка каменных валов, значительно более массивных по сравнению с остальными такого типа конструкциями, которые встречаются в окрестностях, расположены таким образом, что могут представлять собой фрагменты одного укрепления. В любом случае, они проходят на территории, подходящей для обороны. Речь идёт, прежде всего, о принуждении потенциального противника к атаке под гору. Такой важной чертой не обладают другие каменные насыпи на исследуемой территории.

Важным аргументом в пользу тезиса, что имеем дело с остатками стен, являются находки отдельных, хорошо обработанных блоков, разбросанных поблизости от сохранившихся валов. Это огромные блоки, один из которых даже был подготовлен как элемент конструкции, обладающей тупым углом.

Летом 2008 года нами были продолжены исследования. В начале был выявлен наиболее хорошо сохранившийся участок предположительной стены. В выбранном месте снят дерновый слой, сорная трава и листья, опавшие с ближайших деревьев и слежавшиеся со временем. В результате расчистки поверхности удалось обнаружить лицо стены, проходящее по прямой линии. Местами это был только один ряд массивных каменных глыб. Однако, на некоторых участках исследуемой структуры сохранились камни другого лица и третьего ряда кладки, считая от поверхности грунта.

Предположительный, самый высокий пункт линии укреплений проходит по территории, занятой могильником Чатыр-Даг, который принадлежит типу Ай-Тодор. Согласно с ситуацией несохранившийся или недостроенный участок стены должен быть более ранним по сравнению с могильником, функционировавшим в III-IV вв. Если так, то стена может являться одновременной укреплениям на мысе Ай-Тодор.

В результате проводимых до настоящего времени исследований без осуществления масштабных раскопок напрашиваются два заключения:

- Некоторые валы по соседству с могильником создают впечатление остатков оборонительной стены.
- Скорее всего, строительство предполагаемых укреплений никогда не было закончено.

В пользу последней теории свидетельствует, между прочим, существование только фрагментов стен, а также разброс отдельных обработанных блоков на некотором отдалении от сохранившихся валов. Может быть строительный материал был брошен по дороге на строительную площадку? Гипотеза о незаконченной инвестиции, помогла бы объяснить – почему так мало археологических находок сопровождают предполагаемые укрепления. На территории форта, который не был заселён или был использован очень короткое время не было постоянной внутренней застройки и нагромождения отходов жизнедеятельности (например керамики).

Следует подчеркнуть, что собранные до настоящего времени материалы не позволяют однозначно утверждать, что на памятнике археологии Чатыр-Даг, подобно как на мысе Ай-Тодор, могильник с трупосожжением был размещён рядом с более ранним римским фортом. Однако, открытые и задокументированные остатки предполагаемой стены, являются новым фактом в дискуссии на тему присутствия римлян на Южном берегу Крыма. Конкретную информацию для освещения данного вопроса могут дать будущие раскопки.

RADOSŁAW KARASIEWICZ-SZCZYPIORSKI

RZYMSKIE POSTERUNKI NA KRYMIE. NOWE ODKRYCIA?

(STRESZCZENIE)

Od 1997 roku wspólna ekspedycja Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego i Muzeum Chersones Taurydzki odkrywa kolejne budowle związane z obecnością wojsk rzymskich na Krymie. Przebadano świątynię Jowisza Dolichenńskiego w Bałaklawie-Kadykowce. Odsłonięto pozostałości dwóch wież obserwacyjnych położonych wzdłuż grzbietu Sapun-gora. Stanowiska te noszą w literaturze nazwy: Kazackaja i Kavkaz.

Karagač – poszukiwania kolejnej wieży obserwacyjnej

Przy współpracy T. Sarnowskiego i O. Savelii

Odkrycie dwóch niemal identycznych posterunków wyposażonych w wieże obserwacyjne pozwoliło ustalić, że:

- Nie były one elementami systemu obrony linearnej (*limes*), a jedynie izolowanymi umocnieniami dostosowanymi do obrony okrężnej.

- Wykonano je według tego samego wzoru. Wymiary całego założenia i położonej centralnie wieży są w obu przypadkach takie same, a suchy rów otaczający każdy z posterunków ma w przekroju kształt litery V.
- Odległość między znymi posterunkami wynosi 2 mile rzymskie.

Jeśli najbliższy fort znajdował się w Kadykowce, miejsce było doskonale wybrane, aby blokować dostęp do Bałaklawy i znajdującego się tam portu. Jednocześnie tak położone umocnienie miało bardzo ograniczoną obserwację przedpola. Ukształtowanie terenu w Dolinie Bałaklawskiej powoduje, iż z Kadykovki można było dostrzec jedynie najwyższe wzgórze sąsiadującego pogranicza wiejskiego terytorium Chersonesa. Z tej perspektywy sygnał o nadchodzącym wrogu mógłby dotrzeć do fortu tylko z dwóch wzgórz: południowego krańca Sapun-gory, zwanego Karagač, lub położonego dalej na południe sąsiedniego wzgórza Gornaja.

Jako możliwe miejsce położenia trzeciej wieży wytypowany został Karagač. Odległość pomiędzy nim a poprzednim w „systemie wczesnego ostrzegania” Kavkazem wynosi także 2 mile rzymskie! O istnieniu w tej okolicy ruin wieży wraz z otaczającym murem donosił w XIX wieku podróżujący po Krymie Szwajcar – Francois Dubois de Montpereux.

Weryfikację wykopaliskową przeprowadzono w sierpniu 2008. Natrafiono jedynie na złe zachowane relikty budowli kamiennej z nieregularnych brył wapienia. Nieliczne towarzyszące fragmenty ceramiki datują odsłonięte pozostałości na VIII-IX w. Nie sposób ustalić, jak daleko od miejsca naszych badań wznosiła się budowla wzmiękana przez szwajcarskiego podróżnika. Wobec fiska poszukiwań archeologicznych relacja Francois Dubois de Montpereux pozostaje najważniejszym argumentem na korzyść przedstawionej powyżej teorii.

**Čatyrdag – nieznany fort rzymski
na południowym wybrzeżu Krymu**

Przy współpracy V. Myca i A. Lysenki

Pierwszym odkrytym i przebadanym wykopaliskowo rzymskim umocnieniem na Krymie był fort na przylądku Ay-Todor, utożsamiany z antyczną nazwą Charax. W sąsiedztwie fortu natrafiono m.in. na położone tuż za murami cmentarzysko barbarzyńskie. Wśród cech charakterystycznych wymienić należy: powszechną kremację, składanie prochów w amforach, a także obecność wśród wyposażenia żelaznych narzędzi i elementów uzbrojenia. Podobne cmentarzyska są na Krymie absolutnie wyjątkowe. Najbliższe typologicznie, przebadane i dostępne w publikacjach, jest cmentarzysko Čatyrdag.

Istotne wydaje się pytanie, czy sąsiedztwo cmentarzyska i fortu na przylądku Ay-Todor jest tylko przypadkowe? W literaturze pojawiają się głosy, że obok umocnień chowano osoby należące do barbarzyńskiego garnizonu, sprowadzonego w III w. po ewakuacji oddziałów rzymskich. Jeśli tak, to istnienie cmentarzyska typu Ay-Todor w miejscu, gdzie brak śladów fortu rzymskiego, powinno skłaniać do poszukiwań takiego umocnienia. Właśnie dla tego zainicjowane zostały badania w okolicy jedynego cmentarzyska, którego podobieństwo do nekropoli Ay-Todor nie budzi wątpliwości.

Trzy odcinki wałów kamiennych, znacznie masywniejsze od pozostałych tego typu konstrukcji spotykanych w okolicy, są położone w ten sposób, że mogą stanowić fragmenty jednego umocnienia. W każdym przypadku biegą w terenie dogodnym do obrony. Chodzi przede wszystkim o zmuszenie potencjalnego przeciwnika do ataku pod górę. Tej ważnej cechy pozbawione są inne nasypy kamienne w okolicy.

Ważny argument na korzyść tezy, iż mamy do czynienia z pozostałościami murów, stanowią znaleziska pojedynczych, dokładnie obrobionych bloków, rozrzucone w pobliżu zachowanych wałów. Są to ogromne bloki, z których jeden był nawet przygotowywany jako element konstrukcji posiadającej kąt rozwarty.

Powrót do prac latem 2008 pozwolił wytypować najlepiej zachowany odcinek domniemanego muru. W wybranym miejscu usunięto darń, chwasty i nagromadzone latami liście z pobliskich drzew. W wyniku oczyszczania powierzchni udało się uchwycić biegające po linii prostej lico muru. Miejscami był to tylko jeden rzęd masywnych brył kamienia. Część badanej struktury zachowała jednak kamienie lica drugiego i trzeciego rzędu, licząc od powierzchni gruntu.

Domniemany najwyższy punkt linii umocnień biegnie po terenie zajętym przez cmentarzysko Čatyrdag należące do typu Ay-Todor. Wobec takiej relacji niezachowany lub niedobudowany odcinek muru musiałby być wcześniejszy od cmentarzyska funkcjonującego w III-IV w. Jeśli tak, to mur może być współczesny umocnieniom na przylądku Ay-Todor.

Po dotychczasowych badaniach niewykopaliskowych nasuwają się dwie konkluzje:

- Niektóre wały w sąsiedztwie cmentarzyska robią wrażenie pozostałości muru obronnego.
- Najprawdopodobniej budowy domniemanych umocnień nigdy nie ukończono.

Za tą ostatnią teorią przemawiałoby m.in. istnienie jedynie fragmentów postulowanego obwodu murów oraz rozproszenie pojedynczych, obrobionych bloków, w pewnym oddaleniu od zachowanych wałów. Być może budulec porzucono po drodze na plac budowy? Hipoteza o pozostawieniu nieukończonej inwestycji wyjaśniałaby, dlaczego tak mało znalezisk ruchomych towarzyszy domniemany umocnieniom. Fortowi, który nie został zasiedlony lub był użytkowany bardzo krótko, nie towarzyszyła trwała zabudowa wewnętrzna ani nagromadzenie odpadów (np. ceramiki).

Należy podkreślić, że zgromadzone dotychczas materiały nie pozwalają jednoznacznie stwierdzić, iż na stanowisku Čatyrdag, podobnie jak na przylądku Ay-Todor, cmentarzysko ciałoapalne ulokowano obok wcześniejszego fortu rzymskiego. Odkryte i zadokumentowane pozostałości domniemanego muru stanowią jednak nowy argument w dyskusji na temat obecności Rzymian na południowym wybrzeżu Krymu. Rozstrzygnięcie w tej kwestii przyniosą być może przyszłe wykopaliska.

PLATE 124

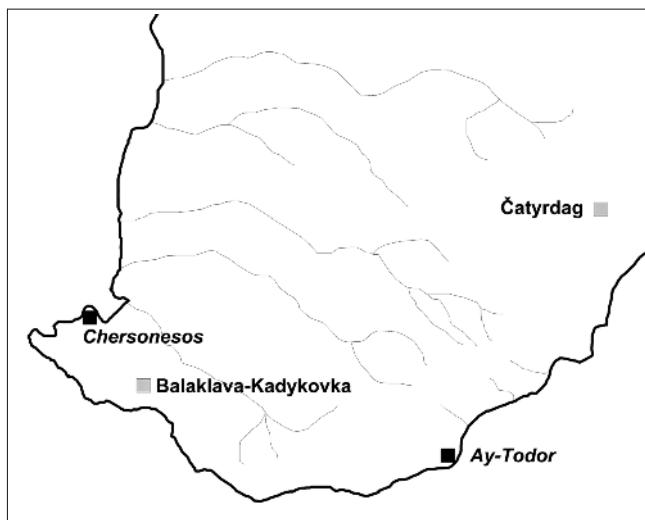

Fig. 1. Black Sea. North Coastline – map (P. Zakrzewski)

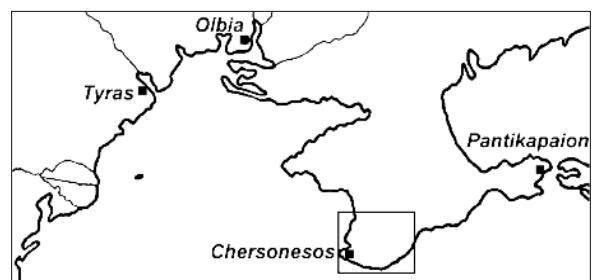

Fig. 2. South-West Crimea – map (P. Zakrzewski)

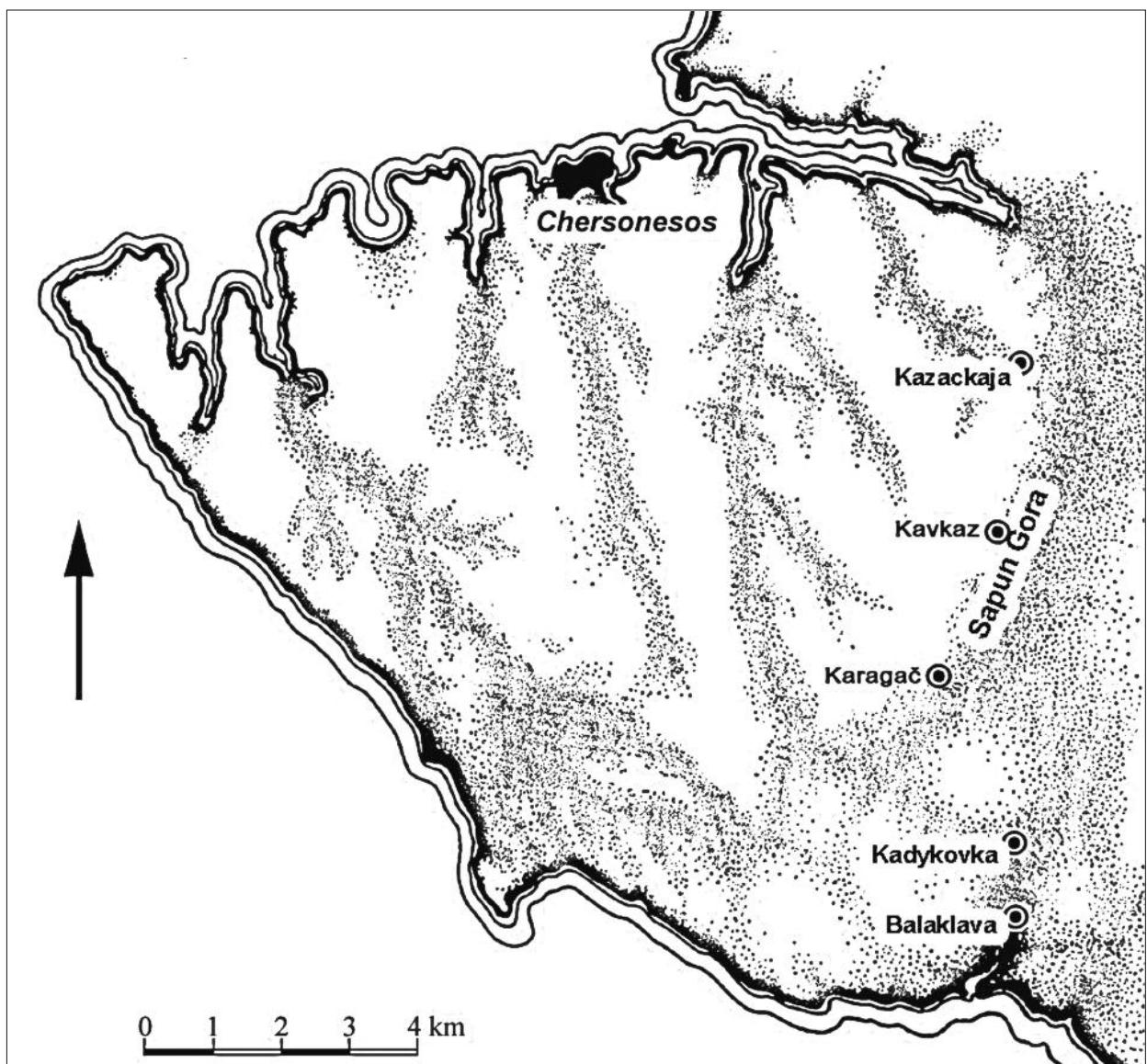

Fig. 3. Heraclean Peninsula – map (P. Zakrzewski). Location of Roman watchtowers: discovered ones (Kazatskaya Hill, Kavkaz Bair) and a putative one (Karagač)

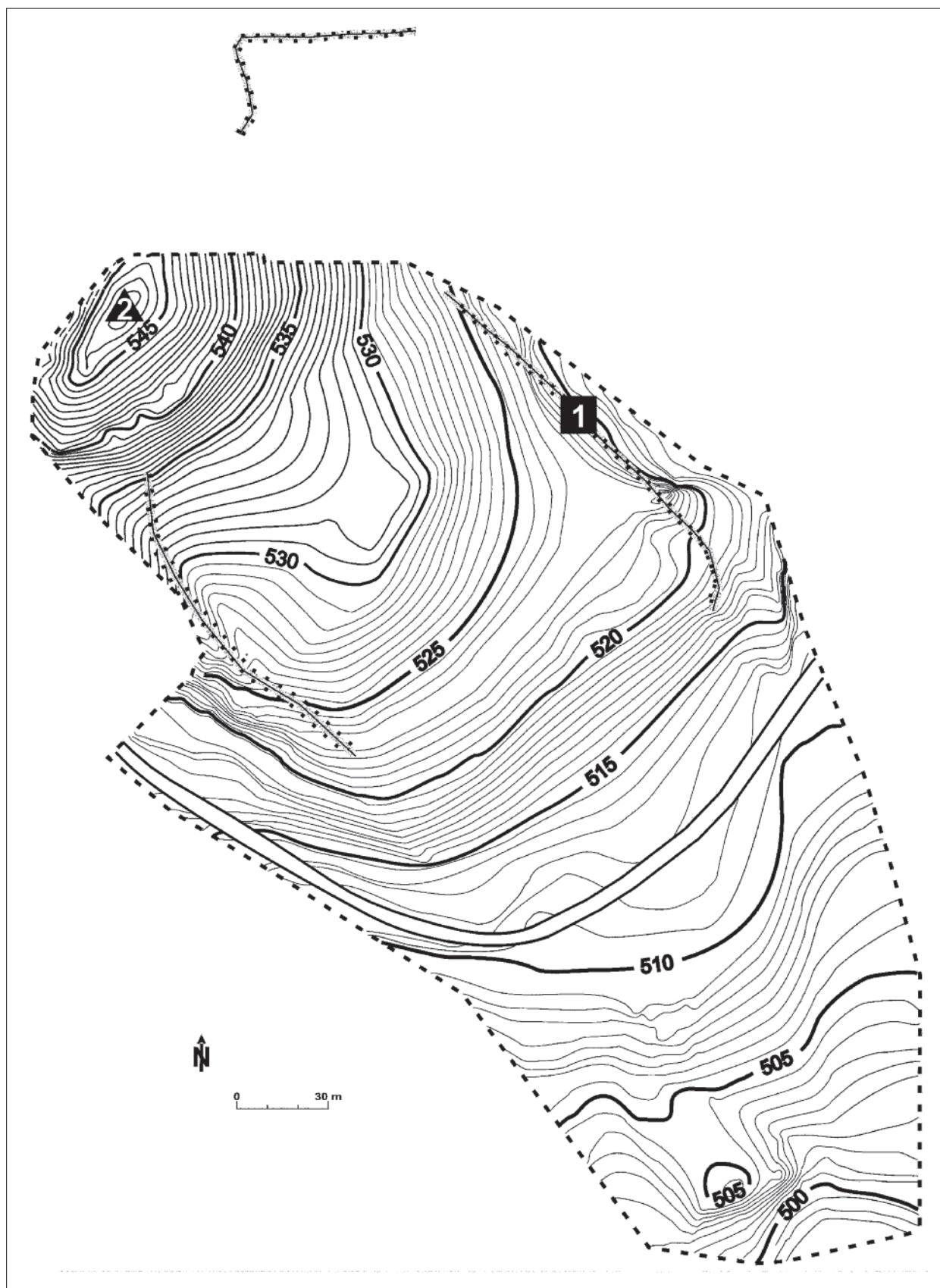

Fig. 4. Čatyrdag – contour map of the site with overlapping preserved sections of stone embankments. Point 1 – point of exposition face of the wall. Point 2 – the highest presumed point where fortification was located (P. Zakrzewski)

PLATE 126

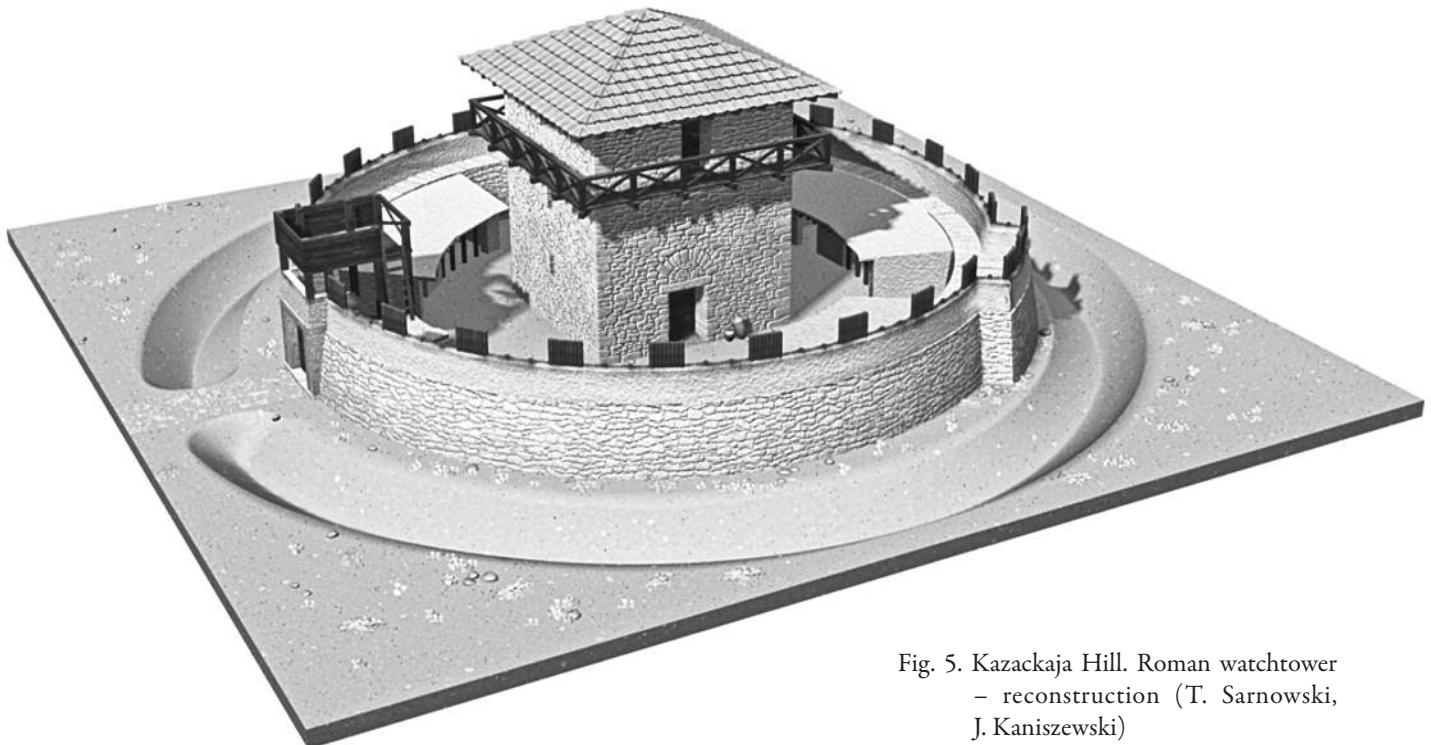

Fig. 5. Kazackaja Hill. Roman watchtower
– reconstruction (T. Sarnowski,
J. Kaniszewski)

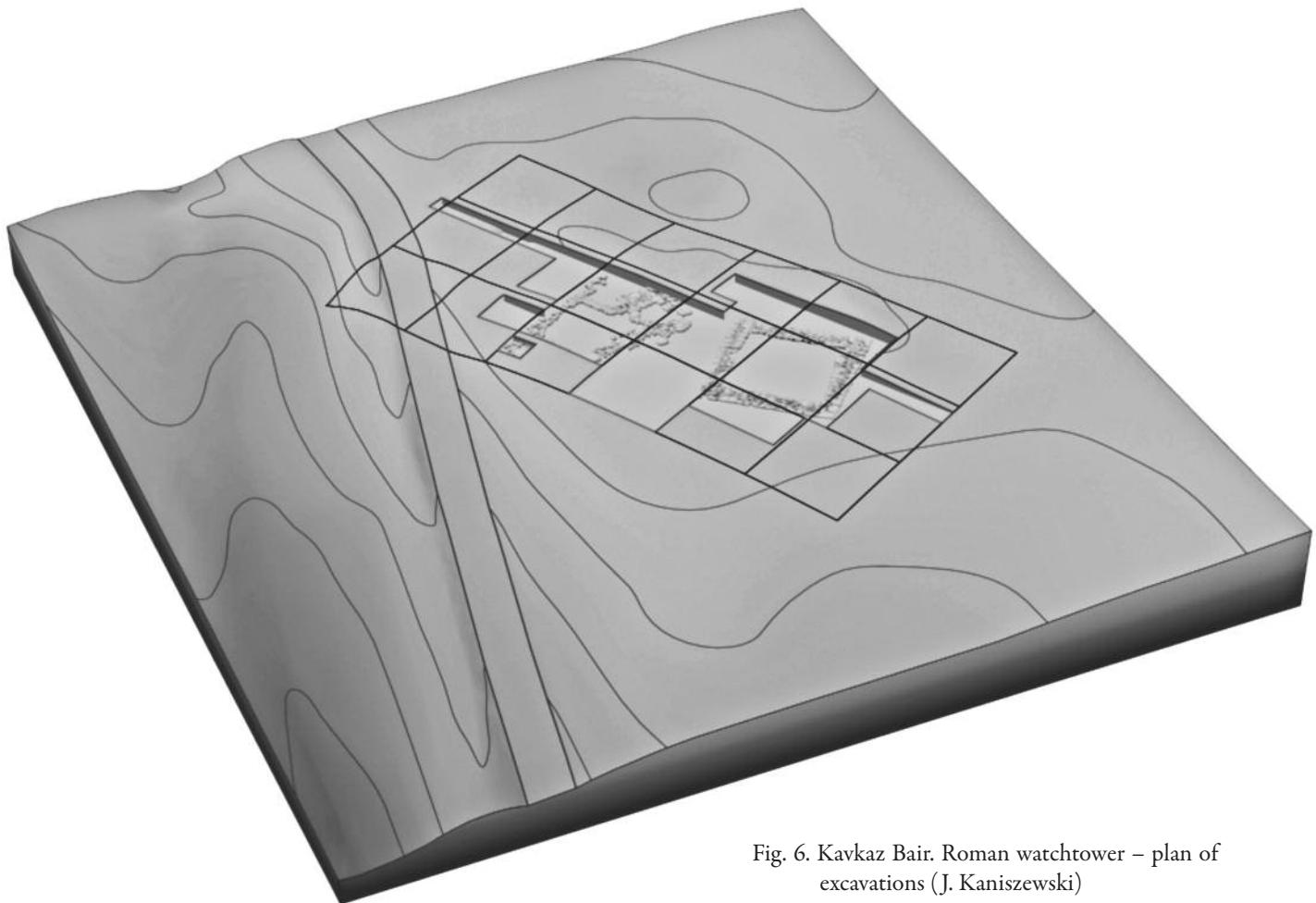

Fig. 6. Kavkaz Bair. Roman watchtower – plan of
excavations (J. Kaniszewski)

Fig. 7. Karagač. Ruins of the watchtower? Plan by Dubois de Montpereux
(NIKOLAENKO 2001: 147)

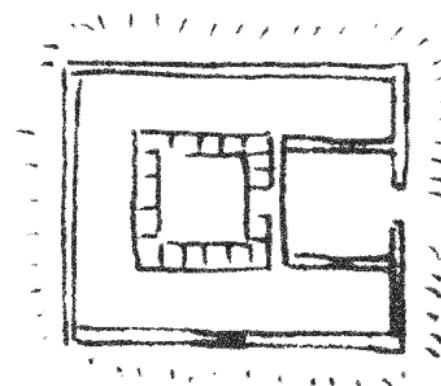

Fig. 8. Karagač. Summer 2008. Results of excavations.
(R. Karasiewicz-Szczypiorski)

PLATE 128

Fig. 9. One of the biggest stone blocks visible on surface (M. Bogacki). Situated to the north of Point 1 (see Fig. 4)

Fig. 10. Fragment of preserved wall – aerial view (M. Bogacki). Segment to the south of Point 2 (see Fig. 4)

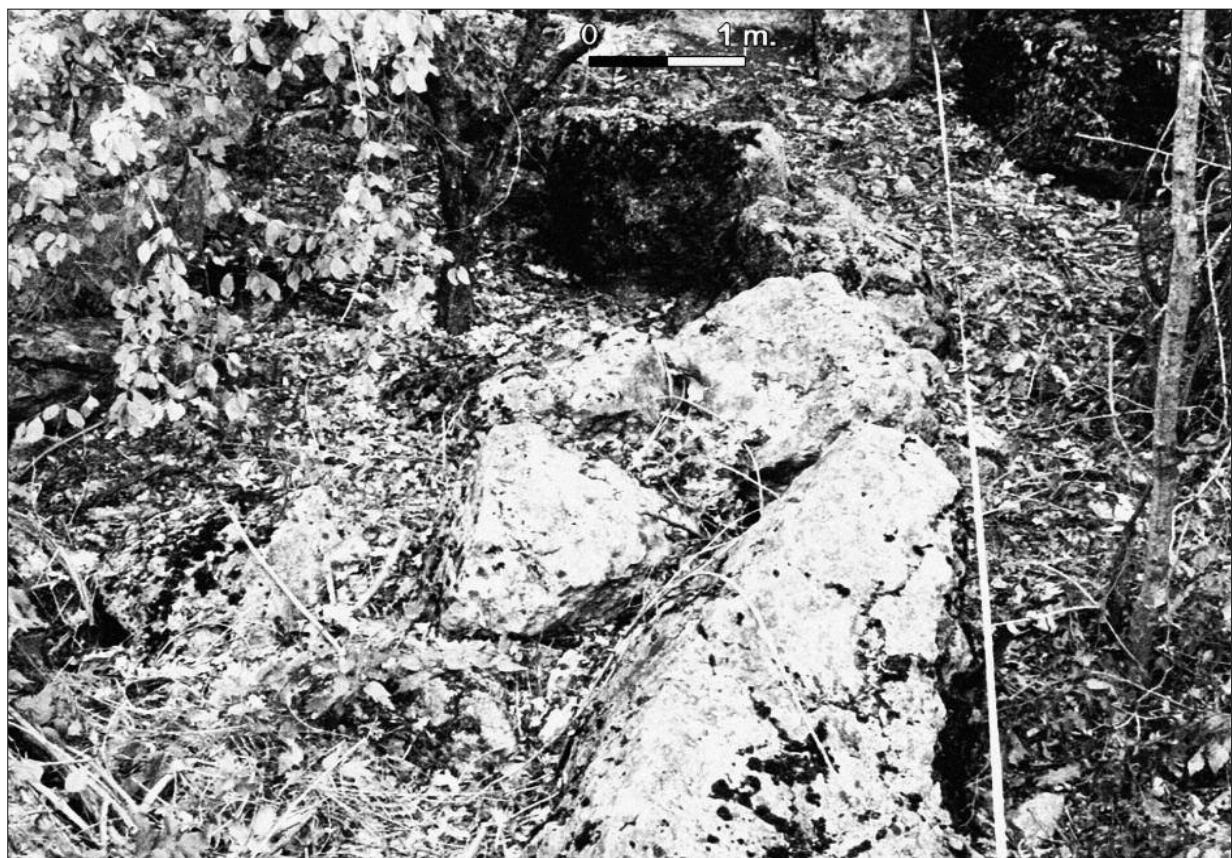

Fig. 11. Exposed face of the wall (R. Karasiewicz-Szczypiorski). Situated in the spot marked as Point 1 on the plan (see Fig. 4)

Fig. 12. Dressed stones blocks on the site (M. Bogacki). Situated near the spot marked as Point 2 on the plan (see Fig. 4)